

Михаил Пойзнер

Экзамены на одесскую зрелость

А что осталось?!

Одесский монолог

...И где теперь наши люди?

Наши настоящие, одесские?!

Когда ты их в последний раз видел? Где? И сколько?

А вот я еще застал, что аж в глазах рябило!

Уже сегодня, когда что-то в голову зайдет, когда прикинешь вокруг, так сразу хорошо чувствуешь.

Все всегда начинается с людей, а уже потом остальное – и Одесса, и улицы, и дома, и *тот* Оперный, и *та* Лестница. А теперь, кажется, все закончилось или вот-вот, буквально на глазах, заканчивается...

И что Одесса? И где та Одесса? Ау-у-у...

Ты еще не понял, кого и на кого мы променяли? Так хоть что-то слушай. Может, догонишь...

Говорю, что первое на ум пришло. Хотя бы Женька – наш обычный молдаванский хлопец. А кто кем крутился, что и в каком кармане держал, какой веры – тогда это вообще никого никак не грело. Жил где-то в середине Балковской, где-то на пересечении с Виноградной. Это туда, в сторону Горбатого моста. Все по-обычному. А вот фамилия у него была необычная – Тронутый (!). Он и сам подмигивал: «Да, я – Тронутый, но не совсем сумасшедший». А вообще, те Тронутые были не просто семья, а целое состояние – пару братьев, что-то пару сестер. И все как раз не чуть-чуть приезжие, а хорошо чуть-чуть одесские. Многие их остерегались, многие старались обойти стороной. Даже в голову не могло по-

дойти, что они все вместе и по отдельности могут выкинуть! Короче, они и доставали, и продавали, и лепили фирменные лейбы на все, и разбирались с цыганами, и пили, и катали, и в «девятку». Не забывали за толчок и Привоз, перекидывали левую водку и любое левое. И любое правое. Разве только это?! Но постоять за себя и за других еще как могли... А про Женькиного брата так вообще намекали: «*Та* вы его сразу узнаете! Буквально сразу! У него на носу мозоль от граненого стакана!». Понятно?

Отца этих Тронутых, уважаемого человека по всей Степовой и Разумовской (!), особо мнительные даже умоляли: «Так когда же вы наконец насовсем уймете своих? Может, на помощь милицию?!». Поднимая указательный палец левой руки вверх, он всегда заученно повторял одно и то же: «Что милицию? *Та* в 28-м или каком году я в Крыжопольском районе, под самым носом у Винницы, банду уничтожил... Банду целую!!! Так что, я с ними не справлюсь?!». Он успел умереть, но так и при жизни не успел справиться... И кто вообще мог справиться?

А кто на нашем ипподроме не знал того Женьку Тронутого? Что, такие были? От конюшен до касс и трибун, от лошадей до людей и от людей до лошадей! О! Если бы те лошади могли говорить! Там даже его переименовали на еврейско-украинский манер – *Евген Мишигенюк* (!).

Что говорить? Помню, как-то при нем кто-то вспомнил за гостиницу «Турист». Когда-то была такая по дороге в Аркадию. Женька тяжело вздохнул: «Я столько раз после скачек катал в «Туристе» и в «буру», и в «секу», что уже давно мне могли бы присвоить «*Заслуженного туриста СССР*». Сейчас они присвоят, дожدهшься!»...

Часто вспоминаю, как очень-очень глубокой ночью в моей квартире раздался звонок. Поначалу не понял, откуда звонок? Звонят в дверь? Мобильный? Стабильный? А это звонил перепуганный Тронутый: «Атас! Я не знаю, где я нахожусь!». Я успокоил: «*Ша!* Никакого атаса! Главное – ты жив! А теперь все по порядку – что ты видишь слева? Что справа? А прямо?». Пока Женька что-то там уныло пробормотал, я быстро прикинул: «Идиёт! Ты, идиёт, в гостинице «Пассаж», на Дерibasовской! На последнем этаже!». Так он же всегда привык видеть все перед собой и что-то на уровне глаз, а тут надо что-то узнать сверху вниз! Короче, меньше пить уже не надо...

А вот бедным всегда подавал, не задумываясь. И мимо любых нищих и даже бомжей не проходил. И поучал сомневающихся: «Своим одесским людям надо давать еще теплой рукой». И давал...

А еще была у нас соседка, такая молоденькая подруга по прозвищу Шкиля-макарона. И так получилось, что вдруг родила... без мужа. Бабы уже гремели вовсю. Кто ее заберет из 2-го роддома на Комсомольской?! Кому надо? Вообще мрак.

И вот прикинь, открываются двери роддома, она выходит с дитем на руках... А ее как раз встречают (!)... цветы, человек со скрипкой, люди и даже машина! Женька успел все организовать. Массовка, как на Мосфильме! Так, чтобы запомнилось. Так, чтобы никто не упрекнул. Те бабы головы с языком опустили.

Та Шкиля-макарона долго так и не догоняла, как все получилось. Потом кто-то проболтался. Но это уже было потом... Ах, Женька, Женька...

А еще потом сама жизнь все решила за него. Говорили, скопились «ипподромные долги» и что-то там другое. Может, легче было как раз свалить, чем рассчитаться. И, наверное, чтобы не достали, рванул куда-то там в Америку.

Тогда еще боялись идти на вокзал провожать. Вокруг полно зуктеров... А мне что?! И вот уже провожающие покинули отъезжающих, и вот уже поезд что-то начал чухаться. В этот момент на перрон, задыхаясь, ворвался давний Женькин дружок по скачкам – Ленька Брадис. Это он еще со школы категорически не мог запомнить, что там в тех таблицах тот Брадис имел в виду и именно на какой странице. Там ему и прилепили это прозвище. Наш Брадис уже явно не успевал попрощаться с Женькой. Тогда он прямо на бегу поднял сразу обе руки вверх и прокричал: «Слышишь, Жека! Не бери нас в голову! В той Америке как-то *закроешь дубль* или *возьмешь тройник* – и всю жизнь не надо будет работать! Это тебе сам Брадис прикидывает!». Может, так оно и было бы, но через каких-то пару лет Тронутый взял и умер. Как когда-то говорили на ипподроме: «*Отскакал свое*».

И вот звонит мне откуда-то из Европы его очередной родственник: «Послушай, он умер и успел завещать только одно очень важное – похороните меня в моей Одессе». Ты понял? Так и написал. А что, этого мало для завещания?

Ну, кремировали и передали урну с прахом, чтобы подзахоронить у нас к могиле матери. Меня попросили хоть проконтролировать.

На кладбище подбежал сам директор, сам Николай Иванович. Я ему так и так, мол, «с проверкой». Тот директор возмутился не на шутку: «Вы что?! Как такое даже подумать?! Конечно, все моментально сделали. Еще бы... Такие люди!!!». И добавил многозначительно, оглядываясь по сторонам: «Звонили... с Книжки!!!».

Понимаешь, раньше звонили с горкома-обкома, теперь – с Книжки... Время подвинулось...

Это он так сказал, а вот что я скажу.

Не надо жить годами, а надо жить жизнью!

И все сейчас как было – и снег, и жара, и трамвай, и Староконный. Одним словом – все на месте!

А вот Женьки уже нет.

И сколько таких уже нет?! Кто считал?!

Чтоб руку подать.

Чтоб в рожу, кому надо, плюнуть.

Чтоб заступиться.

Чтоб что-то там заработать.

Чтоб что-то там, конечно, кого-то обдурить.

И чтобы весело. И чтобы Одесса!

Мы уже на самом краю...

Анонс Первоапрельских гастролей

Впервые в Одессе!

Выступление народного хора Григория Веревки перед народом на Канатной улице!

В программе хоровой моноспектакль «Сколько веревочке не виться...» (в украинском переводе «Від мотузки до кутузки»).

Все на концерт!!!

Смешанный брак?..

- ..Ты таки женил втихаря своего Серегу... Таки получилось?..
– *Шо* получилось? *Та* я сразу говорил, ничего не получится!
У них же смешанный брак...
– Как смешанный? Серега вроде русский, и она вроде тоже...
– При чем здесь русские? Не русские?!
Мы ж *одесситы* (!), а она из того Херсона...

Можно таки подумать...

Староконный... Застенчивый с виду мужчина примеряет приглянувшуюся рубашку. При этом он обращается к женщине-продавцу:

- Пожалуйста, отвернитесь... Я же меряю...
Продавец несколько подавлен:
– Прямо отвернуться?!
Ой, можно подумать, *шо* вы меряете презерватив...

Крик души...

- ...В ее душе для меня места не нашлось...
Получается, она просто на время сдавала мне там только угол.
Даже не так – она ничего не сдавала, это я снимал...
Такой вот ответственный *душесъемищик*... на свою голову.

Расплата

Из одесской жизни

...Темнеет. Иду между корпусами общежитий. Еще чуть-чуть – и перейду через ту Комсомольскую. А там на 15-й трамвай, две остановки до Шестого района...

Руки заняты. Эта дура, ну моя Ленка, послала аж на Кузнечную к теще забрать постельное в стирку. «Иди, мама себя плохо чувствует...» С этим и пошел.

Несу аж два здоровенных клумака с тем бельем. В голове только одно: «Сколько же эта старая кляча не стирала? И когда она вообще себя хорошо чувствует?!». Но я молчу вслух.

А тут прямо из темноты выпрыгивает какая-то огромная тень. И прямо на меня: «Гони мобильник! И быстро!».

Что быстро? Руки заняты теми клумаками! Ставлю, значит, все на землю. А телефон у меня всегда в кармане, противоположном ударной руке. Слушай сюда! Так должно быть всегда! Ну, если у тебя лучше получается, например, левой, значит – в правом кармане. Если можешь правой, значит – в левом. Думать тут некогда...

Протягиваю правой рукой мобильник, а левой, одним ударом, сбиваю с ног. Что, в первый раз? Или второй... Наступаю ногой на горло и спрашиваю: «Ну, кому ты хотел позвонить? Говори – уже набираю номер! Теперь только ноги заняты, а руки теперь свободны». Молчит... Может забыл? Все-таки сразу цифр много...

Я ему: «Что разлегся? Поздно уже. Подъем!».

Вручаю, значит, те два клумака. И что? Он честно донес их прямо до моих ворот, аж в самый конец Градоначальнической! Хотя и кряхтел...

Я одобрительно хлопнул его по плечу. Мол, молодец, спасибо! Дал целых 10 гривен – это за труд.

Меня так учили – любая работа должна быть оплачена...

Что мы, – не люди?!

Ша! Чтобы никто не знал...

Одесский двор на улице Спиридоновской, 28.

Почти семь часов утра. На середину двора выходит крупная женщина, держа маленькую собачку под мышкой. Подняв голову, она кричит соседке, только что промелькнувшей в открытом окне.

– Мадам Савранская! Мадам Савранская-я-я!!!

Ви уже позавтрикали?

Так *шоб* не подниматься до вас на третий этаж, я имею вам сказать пару слов по секрету...

Таможня дает добро?

Из разговора в бане на Провиантской

– ...Не понял?

Я только-только видел его где-то между Ольгиевской и Тираспольской. Там уже все в порядке. Ну, *отвисел* свое и что-то пару месяцев как *откинулся*.

А работал на «контрабасе»... Все знают...

– На контрабасе не работают, а играют...

– Кто играет, а кто работает...

Хотя ты прав – и на том, и на другом можно хорошо доиграться...

Герой таки нашего времени...

...*Та* дайте уже сказать что-то пару слов!

А то все туда-сюда. Сюда-туда...

Что жаловаться? Я так не жалуясь...

И что я вообще в этой жизни не успел?

Загинай пальцы!

Значит, запасся еврейской метрикой и документы *туда* оформил. На всякий пожарный... Успел! Что, помешает?!

Потом выправил трудовую книжку. Успел! Теперь там все, как надо. Хотя получается, что стал чуть-чуть что-то на лет пять старше... Что, помешает?

Потом успел старую жену обменять на новую. И вовремя... А это никогда и никому не помешает...

Так что?

Я у них еще не заслужил хотя бы медаль «За *не* боевые заслуги»?!

